

А.В. Корневский*

**РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ПОСЛЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
НЕСБЫВШИЙСЯ ПРОГНОЗ?**doi:10.31518/2618-9100-2023-4-18
УДК 94:321(470)"1918/..."*Выходные данные для цитирования:
Корневский А.В. Российская империя после Мировой войны: несбывшийся прогноз? // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 240–258.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-18.pdf>*

A.V. Korenevskiy*

**RUSSIAN EMPIRE AFTER THE WORLD WAR:
AN UNFULFILLED FORECAST?**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-18

*How to cite:
Korenevskiy A.V. Russian Empire after the World War: An Unfulfilled Forecast? // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 240–258.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-18.pdf>]*

Abstract. There were at least three fronts between the opposing blocs at the First World War: besides the line of military confrontation, ideology and analytics became battlefields. The British think-tank, known as Wellington House, demonstrated the greatest effectiveness on these fronts. One of the most detailed projects of the post-war settlement was created within these walls at the height of the war – A.J. Toynbee’s book “Nationality and the War”. Almost a third of this text is devoted to Russia and its prospects in the post-war world. According to the concept put forward by him, the only chance of preserving the integrity of Russia would be its federalization – partial delegation of functions to local authorities in inverse proportion to how each governorate or region is integrated into the body of the empire. In the center, where the degree of mutual dependence of several territories is extremely high, a significant expansion of autonomy is problematic, whereas in some peripheral regions it is quite possible. Thus, each territory can be sovereign to the extent that it is economically self-sufficient and what is the maturity of the national consciousness of its population. These suggestions were not useful to the Russian Empire, which did not live through the Great War, but in the very principle of reformatting the imperial space described by Toynbee, there is some similarity with the key idea underlying the state structure of the Soviet Union. Is this consonance accidental, or could Toynbee’s concept somehow – directly or indirectly – influence the Soviet project of reintegration of the post-imperial space? This paper is an attempt to answer this question.

Keywords: The Russian Empire, the First World War, A.J. Toynbee, Wellington House, Political Intelligence Department, devolution, Soviet Union.

The article has been received by the editor on 21.06.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В годы Первой мировой войны между противоборствующими блоками пролегли как минимум три фронта: помимо линии военного противостояния полями сражений стали идеология и аналитика. Наибольшую эффективность на этих фронтах проявил британский «мозговой трест», известный как Веллингтон-Хаус. Именно в его стенах в самый разгар войны был подготовлен один из наиболее детальных проектов послевоенного устройства мира – книга А. Дж. Тойнби «Национальность и война».

* **Андрей Витальевич Корневский**, кандидат исторических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: koren@sfedu.ru
Andrey Vitalievich Korenevskiy, Candidate of Historical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: koren@sfedu.ru

Едва ли не треть этого текста посвящена России и ее перспективам в послевоенном мире. Согласно выдвинутой им концепции, единственным шансом сохранения целостности России является ее федерализация – частичное делегирование полномочий местной власти в обратной пропорции к тому, насколько каждая губерния или область интегрирована в тело империи. В центре, где степень взаимной зависимости отдельных территорий чрезвычайно велика, существенное расширение автономии проблематично, тогда как в некоторых периферийных регионах вполне возможно. Таким образом, каждая территория может быть суверенной в той мере, в какой она экономически самодостаточна и какова зрелость национального самосознания его населения. Эти рекомендации негодились Российской империи, не пережившей Великую войну. Однако в самом принципе реформирования имперского пространства, описанном Тойнби, обнаруживается некоторое сходство с ключевой идеей, положенной в основу государственного устройства Советского Союза. Является ли это созвучие случайным или концепция Тойнби могла каким-то образом – прямо или косвенно – повлиять на советский проект реинтеграции пост-имперского пространства? Статья представляет собой попытку ответа на данный вопрос.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, А.Дж. Тойнби, Веллингтон-Хаус, Департамент политической разведки, деволуция, Советский Союз.

Статья поступила в редакцию 21.06.2023 г.

Размышления о «юбилейной лихорадке»: вспомнить все и даже больше...

Два вековых юбилея минувшего года – окончание Гражданской войны и образование Советского Союза – побуждают вспомнить предшествующие, логически и событийно с ними связанные годовщины: столетние юбилеи Февральской и Октябрьской революций, начало и окончание Первой мировой войны, 120 лет со дня рождения В.И. Ленина. В известном смысле два последних юбилея 2022 г. подводят черту под чередой памятных дат, знаменующих окончательное прощание человечества с благодушным «долгим XIX веком» и утверждением в своих правах катастрофического «короткого XX века» – эпохи крайностей, по известному определению Э. Хобсбаума¹. Восприятие обществом перечисленных годовщин в целом подтверждает наблюдения авторов многочисленных работ последних десятилетий, посвященных подобным «волнам военных и государственных юбилеев»²: говоря о социальных функциях этих, по выражению К.Н. Цимбаева, «юбилейных лихорадок», исследователи указывают на их «идентификационный потенциал» и значительный «интегративный эффект»³. Поэтому все подобные пролонгированные юбилейные кампании, связанные друг с другом не только хронологически и тематически, но и общей политической повесткой, сфокусированы на проблеме сохранения и актуализации исторической памяти.

Неслучайно в период чествования столетней годовщины Первой мировой войны о ней, как правило, говорилось и писалось как о «забытой» или «неизвестной»⁴. Более того, характерной чертой «юбилеемании» является стремление не просто преодолеть коллективную амнезию, но и максимально осовременить историю, сделать ее, говоря словами Р.Дж. Коллингвуда, «прошлым, живущим в настоящем»⁵. По мнению того же К.Н. Цимбаева,

¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004.

² Tsimbaev K. Jubiläumsfieber. Kriegserfahrungen in den Erinnerungsfeiern in Russland Ende des 19. – Anfang des 20. Jahrhunderts // Gründungsmythen – Genealogien – Memorialzeichen. Beiträge zur institutionellen Konstruktion von Kontinuität / Hrsg. von Gert Melville und Karl-Siegbert Rehberg Köln; Weimar; Wien, 2004. S. 75.

³ Drüding M. Jubiläumsfieber und Jubiläumitis? Fragen zur Jubiläumsbegeisterung deutscher Universitäten // Die Hochschule: Journal für Wissenschaft und Bildung. 2018. Bd. 27, N. 1–2. S. 27.

⁴ Schimmelpenninck van der Oye D. Getting to Know the Unknown War // The Russian Review. 2016. Vol. 75. October. P. 683.

⁵ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 157.

«круглые даты побуждают оценивать пройденный путь, создают атмосферу диалога с прошлым, причем, в зависимости от политических, научных, идеологических установок, прошлое может выступать не в виде застывшей константы, но в качестве меняющейся действительности, подчас столь же жизненной, как и окружающая реальность»⁶. В пользу этого наблюдения можно привести многократные сетования Л.А. Данилкина на «музеефикацию и маргинализацию»⁷ Ленина, тогда как, по мнению биографа, одного лишь сохранения памяти о вожде недостаточно: Данилкину очень хотелось бы вернуть его в сегодняшнюю реальность, превратить в «абсолютный авторитет» и «народную икону»⁸.

При этом общество в период «юбилейных лихорадок» стремится не только и не столько к тому, чтобы «вспомнить все» – предельно полно увидеть и понять историческую реальность (или придумать ее заново?), но и заглянуть за грань этой реальности. С одной стороны, актуализация исторического опыта в такие моменты нацелена как на современность, так и на будущее «в тех формах, какие видятся участникам юбилея желательными и необходимыми»⁹. С другой стороны, «день грядущий» становится объектом политической рефлексии не только таким, каким он видится из дня нынешнего, но и в качестве «будущего в прошедшем» – альтернативных сценариев исторического развития, нереализованных перспектив и упущенных возможностей в прошлом, которые следует принимать в расчет современникам, дабы не допустить ошибок предшественников. Этот мотив, значимый для юбилейного дискурса как такового вне привязки к конкретному событию, безусловно, является одной из доминант подавляющего большинства текстов, посвященных драмам начала «эпохи крайностей». Как подчеркивал Хобсбаум, для него было первостепенно важно понять и объяснить, *почему* история повернула именно в том, а не в другом направлении»¹⁰. Иными словами, речь идет о так называемом «контрфактическом моделировании» – анализе вероятности альтернативных сценариев исторического развития и выявлении причин того, почему они оказались нереализованными.

Не углубляясь в поистине необъятную проблематику так называемого «сослагательного наклонения», отметим лишь, что чрезмерно нервное ее восприятие отечественными историками является отчасти следствием табуирования темы в советские времена (в чем честно признавалась М.В. Нечкина, автор данного афоризма¹¹). В то же время в зарубежной историографии подобные сюжеты считаются вполне уважаемым объектом методологической рефлексии. Сегодня уже почти никто среди иностранных исследователей не оспаривает того, что «историкам необходимо прибегать в своей работе к контрфактическим рассуждениям»¹².

При этом данная тема зачастую оказывается прямо или косвенно связанной с так называемым «имперским поворотом»¹³ – течением современной историографии, ратующим за высвобождение концепта «империи» из-под груза оценочных вердиктов и коннотаций. Так, весьма здравые рассуждения А. Мегилла о границах, отделяющих корректное контрфактическое моделирование от безответственных фантазий¹⁴, высказаны им в связи с анализом взглядов Н. Фергюссона, известного как один из идейных лидеров современного «имперского ренессанса». Другой пример неожиданного (на первый взгляд) сопряжения этих тем –

⁶ Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 98.

⁷ Данилкин Л.А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 356.

⁸ Афиша Daily. 12.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/4945-lenin-budet-kak-konfuciy-dlya-kitaya-absolyutnyy-avtoritet/?ysclid=1759tqz5h9420382583> (дата обращения: 23.08.2022).

⁹ Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямани... С. 98.

¹⁰ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей... С. 13.

¹¹ «Историк ... запрещено (курсив мой. – А. К.) сослагательное наклонение» (Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. М., 1975. С. 345).

¹² Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 457.

¹³ Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография: сб. обзоров и рефератов М., 2019.

¹⁴ Мегилл А. Историческая эпистемология... С. 450–457.

статья С.А. Экштута¹⁵, посвященная все той же проблеме «сослагательного наклонения», и коллективный манифест «новой имперской истории» редакторов журнала *Ab Imperio*¹⁶. В обоих текстах авторы обосновывают свои взгляды посредством обращения к концепции «остран(н)ения» В.Б. Шкловского. По мнению С.А. Экштута, эвристическая ценность данного подхода заключается в том, что исследователь запрещает себе подгонять ответ под имеющееся у него знание об итогах и последствиях исторической коллизии, «дает ее описание как незнакомой»¹⁷. Авторы второго текста также апеллируют к авторитету В.Б. Шкловского, призывая взглянуть на империи поверх всей совокупности привычных клише и оценочных характеристик. В этом случае «более тонкий и пронизательный анализ имперских контекстов создает картину поразительно странного, действительно незнакомого и чуждого мира»¹⁸.

На самом деле в сходстве приведенных цитат нет ничего странного: метод остран(н)ения применим и к теме исторических альтернатив, и к имперской проблематике, потому что именно последняя предельно полно раскрывает тему «развилки истории». Именно империи на протяжении тысячелетий являлись глобальными политическими акторами, как следствие – мировыми узлами противоречий и точками бифуркаций. Начало «короткого XX века» – не исключение: мировая бойня, положившая конец «долгому XIX столетию», была развязана двумя колониальными и четырьмя континентальными империями, а также двумя монархиями, конкурировавшими за статус балканской империи. Итогом войны стало крушение четырех из шести прежних великих держав и появление новой квази-империи на юге Европы, а по прошествии непродолжительного времени – реинтеграция большей части политического пространства Российской империи в рамках Советского Союза. При этом заметим: именование СССР империей (с более или менее выраженными отрицательными, а в последнее время и с положительными коннотациями) стало едва ли не трюизмом, но если отбросить оценочные клише и попытаться воспринимать имперскую проблематику «по модулю», то сравнение СССР и Российской империи предстает вовсе не околополитическим пустословием, а реальной научной проблемой. И в этом случае мы просто обязаны задать применительно к отечественной истории примерно те же вопросы, которые ставил Хобсбаум в обоснование концепта «короткого XX века»: почему в диапазоне от 1914 до 1922 г. наша история «поворачивала» именно в таком, а не ином направлении; была ли Российская империя приговорена к гибели и осознавали ли эту опасность современники; и если ее крах был неизбежен, то действительно ли потенциал этого политического образования был полностью исчерпан, коль скоро всего через пять лет на его месте возникла почти такая же по территориальному охвату сложносоставная полития?

Следует отметить, что именно в этом направлении развивается историография последних лет, в значительной степени простимулированная «юбилейной лихорадкой». В частности, следует отметить предложенную И. Герасимовым трактовку событий февраля 1917 г. как «великой имперской революции» – попытки преодоления «антиимперского выбора имперского режима»¹⁹, т.е. переворота, имевшего целью не слом старой машины имперской государственности, а фактически ее ремонт. Более того, как верно отмечает Герасимов, «замена монархии республикой сама по себе не рассматривалась в качестве акта «деимпериализации»²⁰, и даже политические движения национальных окраин в большинстве своем не стремились к сецессии, демонстрируя «восприятие бывшего имперского

¹⁵ *Экштут С.А.* Контрфактическое моделирование, развилки и случайности в русской истории и культуре // *Одиссей. Человек в истории.* М., 2000. С. 33–36.

¹⁶ *Gerasimov I, Glebov S., Kusber J., Mogilner M., Semyonov A.* *New Imperial History and the Challenges of Empire // Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire.* Leiden; Boston, 2009. P. 3–32.

¹⁷ *Экштут С.А.* Контрфактическое моделирование... С. 34.

¹⁸ *Gerasimov I., etc.* *New Imperial History...* P. 3.

¹⁹ *Gerasimov I.* *The Great Imperial Revolution // Ab Imperio.* 2017. № 2. P. 25.

²⁰ *Ibid.* P. 23.

пространства как естественной среды для своей самореализации»²¹. Таким образом, современники падения империи вовсе не считали, что ее политический ресурс исчерпан. Это подтверждают и экономические выкладки П. Грегори: «Мы не можем знать доподлинно, что произошло бы, не случись Мировая война, Октябрьская революция и гражданская война. Что мы можем сказать, так это то, что российская экономика начала процесс преодоления своей относительной отсталости и была на пути к тому, чтобы сравняться по уровню развития с Западной Европой и Северной Америкой. Навешивание на российскую экономику ярлыка провальной – следствие ленинского желания показать, что Россия созрела для социалистической революции. Это не подтверждается эмпирическими фактами»²².

Подчеркнем, что во всех перечисленных выше высказываниях отмечается методологическая уязвимость «презентистских» суждений о событиях прошлого – их оценок вне породившего эти явления исторического контекста, не в качестве самоценного явления *per se*, а как «антецедента» дня нынешнего, выступающего по отношению к нему «консеквентом»²³. По сути, речь идет о телеологической аберрации исторического зрения, которую А. Поллард справедливо называл «нечестным» отношением к предкам – манерой историков выносить вердикты людям прошлого с позиций того знания о последствиях их деяний, которым ни они сами, ни их современники не обладали и обладать не могли²⁴.

Отметим также, что способ преодоления этой аберрации не нов. Еще М. Блок отмечал, что для понимания значимости и степени вероятности произошедшего исторического события нужно смотреть на него не из современности, а из более ранней темпоральной перспективы – так, как оно виделось современникам этой коллизии²⁵. Однако для реализации такого подхода необходима надежная и репрезентативная источниковая база, запечатлевшая ситуацию «накануне» в разных пространственно-временных ракурсах. Необходим учет точек зрения не только фигурантов, непосредственно вовлеченных в эти события, но и сторонних наблюдателей («лицом к лицу лица не увидеть, большое видится на расстоянии»). При этом первостепенное значение имеют мотивация наблюдателя, уровень его осведомленности, аналитические и прогностические способности.

Применительно к началу российского «долгого XX века» ценнейшим источником информации такого рода, отвечающим всем перечисленным критериям, являются тексты, вышедшие из недр Британского бюро военной пропаганды – одного из мощнейших аналитических центров эпохи Первой мировой войны, по праву считающегося предшественником «мозговых трестов» (think-tanks) XX века.

Под сенью Веллингтон-Хаус. Лондонский прохожий, оказавшийся вечером 2 августа 1914 г. на улице Бэкингам-Гейт, мог стать свидетелем невероятного зрелища – к зданию Национальной страховой комиссии, известному как Веллингтон-Хаус, один за другим подъезжали экипажи, из которых выходили те, кого британцы почитали властителями дум: Артур Конан Дойль, Джон Голсуорси, Гилберт Честертон, Герберт Уэллс, Томас Гарди и много иных известнейших литераторов числом более двадцати. Прибыли они сюда по зову председателя Национальной страховой комиссии Чарльза Мастермана, известного политика радикально-либеральной направленности, публициста и писателя, соредатора авторитетного журнала *English Review*. Однако не социальное страхование и не литература были целью этой встречи.

В тот самый день, когда светочи английской литературы собрались в Веллингтон-Хаус, Германия вторглась в Люксембург и выдвинула ультиматум Бельгии, а днем ранее объявила войну России, союзнице Великобритании по Антанте. Таким образом, вступление самого Соединенного Королевства в войну становилось лишь вопросом времени. А поскольку

²¹ Gerasimov I. The Great Imperial Revolution... P. 43.

²² Gregory P.R. Before Command: an economic history of Russia from emancipation to the first five-year plan. Princeton; New Jersey, 1994. P. 36.

²³ Подробнее см.: Флюшкин А.И. Почему в современном мире будущее заменяют прошлым: история возвращается? // Международная аналитика. 2022. № 13. С. 16–29.

²⁴ Pollard A.F. Historical Criticism // History. The Journal of the Historical Association. 1920. Vol. 5, Iss. 17. P. 29.

²⁵ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 71.

разведка доносила, что немцами уже созданы и активно действуют Отдел печати при Министерстве иностранных дел и другие органы пропаганды, премьер-министр Герберт Асквит принял решение о создании аналогичной структуры. Решение о назначении его руководителем Мастермана было принято с подачи канцлера казначейства Дэвида Ллойд Джорджа, близко его знавшего и оказывавшего покровительство²⁶. Так, за два дня до официального объявления войны Германии (это произойдет лишь 4 августа) Великобритания вступила в «Великую войну слов», как назвал пропагандистский фронт Первой мировой канадский историк Питер Байтенхайс²⁷.

Впрочем, не в меньшей степени прав и другой исследователь, назвавший это противостояние «битвой историков»²⁸. По замыслу Мастермана, цвет английской словесности составлял лишь первую линию идеологического фронта, тогда как прочный тыл обеспечивали профессиональные историки. Будучи не только литератором, но и политиком, а также отчасти историком²⁹, глава Веллингтон-Хаус считал, что в пропаганде красота слога недорого стоит без надежных и логически выстроенных аргументов. Поэтому он изначально поставил задачу создания в структуре Бюро военной пропаганды особой аналитической службы, обеспечивающей «властителей дум», действующих на авансцене, качественной и проверенной информацией. Как было сказано в одном из внутренних меморандумов бюро, вся деятельность такой структуры должна «сводиться к изложению фактов и общих аргументов, основанных на фактах»³⁰.

Первым профессиональным историком, приглашенным Мастерманом, был самый известный британский специалист по Германии Джеймс Виклиф Хедлэм, чье жизнеописание Отто фон Бисмарка заслужило самые лестные отзывы рецензентов³¹. Впрочем, идея приглашения Хедлэма вполне могла принадлежать и не самому Мастерману, а его секретарю Клоду Шустеру, обладателю оксфордского диплома второго класса по истории³².

Следом за Хедлэмом к работе в Веллингтон-Хаус были привлечены еще два профессиональных историка: автор капитальных исследований национального вопроса в Австро-Венгрии и на Балканах Роберт Сетон-Уотсон³³ и его друг, оксфордский профессор Альфред Циммерн. В свою очередь, последний порекомендовал принять на работу (сперва в качестве привлеченных экспертов, а затем – на штатные должности) трех молодых историков, питомцев Бейллиол-колледжа того же университета: Арнольда Тойнби, Хемиша Пейтона и Льюиса Неймира. Эти интеллектуалы составили костяк особой структуры внутри Бюро военной пропаганды, позже конституированной как Департамент политической разведки (Political Intelligence Department – PID) и фактически представлявшей собой руководящий орган бюро – «Министерство всех талантов»³⁴, как полушутя-полусерьезно прозвали эту структуру в Foreign Office. Примечательно, что сами члены данного экспертного сообщества для своих собраний, проходивших едва ли не каждый день, выбрали весьма специфичное

²⁶ Hopkins E. Charles Masterman (1873–1927), Politician and Journalist: The Splendid Failure. Lewiston. N.Y., 1999. P. 105, 143.

²⁷ Buitenhuis P. The Great War of Words: British, American and Canadian Propaganda and Fiction, 1914–1933. Vancouver, 1987.

²⁸ Heffer S. First World War, the battle of the historians [Электронный ресурс] // New Statesman. 2014. 3 July. URL: <http://www.newstatesman.com/politics/2014/07/simon-heffer-first-world-war-battle-historians> (дата обращения: 27.08.2022).

²⁹ Во многих книгах Мастермана достаточно часты исторические экскурсы, а одна из самых известных – о выдающемся британском теологе и социальном философе Ф.Д. Морисе – написана в историко-биографическом жанре (Masterman C.F.G. Frederick Denison Maurice. London, 1907). О трудах Мастермана весьма лестно отзывались профессиональные историки, а некоторые его книги стали для них «кладезем цитат» (Feuchtwanger E.J. Democracy and Empire: Britain, 1865–1914. London, 1985. P. 371).

³⁰ Sanders M.L., Taylor P.M. British Propaganda during the First World War, 1914–18. London, 1982. P. 41.

³¹ Sloane W.M. Rev.: Bismarck and the foundation of the German Empire, by James Wycliffe Headlam // Political Science Quarterly. 1901. Vol. 16, № 1. P. 149.

³² Hall J.G., Douglas F.M. Yes, Lord Chancellor: A Biography of Lord Schuster. Chichester, West Sussex, 2003. P. 8.

³³ Scotus Viator (Seton-Watson R.W.). Racial Problems in Hungary. London, 1908; Seton-Watson R.W. The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. London, 1911.

³⁴ Sharp A. James Headlam-Morley: Creating International History // Diplomacy & Statecraft. 1998. Vol. 9, No. 3. P. 267.

понятие, много говорящее об их профессиональной идентичности: «the moot»³⁵ – слово, восходящее к наименованию органа англосаксонского родового строя, аналогичного славянскому вече. Арнольд Тойнби, зачисленный в штат Веллингтон-Хаус 1 мая 1915 г., в частной переписке называл свое место работы «фарисейской конторой» (Mendacity Bureau)³⁶.

Именно на этом «вече интеллектуалов» родились наиболее значимые аналитические тексты об интересах и политических целях Британии, ее противников и союзников по Антанте, в том числе и России, а также о перспективах послевоенного урегулирования в Европе. При этом молодые эксперты не отставали от корифеев. Огромный вклад в изучение национального вопроса в Центральной и Восточной Европе внес Хеммиш Пейтон. Им были составлены карты этнического состава населения региона как основы послевоенного национально-государственного размежевания. К слову сказать, с точки зрения Тойнби, авторское участие Пейтона в этой работе было столь велико, что итог сих трудов, позже ставший известным как Линия Керзона, по справедливости следовало бы назвать его именем³⁷. Другой выпускник Бейллиола Льюис Нэймир, до своей натурализации в Британии бывший подданным Российской империи и носивший имя Людвик Бернштейн-Немировский, был самым осведомленным в проблематике Восточной Европы экспертом Бюро военной пропаганды после Р. Сетон-Уотстона. Ранее он уже издал брошюру «Германия и Восточная Европа»³⁸, в которой обосновал свое видение разрешения национального вопроса в этой части континента и дальнейшей судьбы трех империй данного региона.

Но, пожалуй, самые масштабные аналитические тексты по тематике России и Восточной Европы были созданы третьим питомцем Бейллиола – Арнольдом Тойнби. Собственно, с момента издания первой из них – «Национальность и война» – он и стал известен как Арнольд Джозеф Тойнби: именно тогда он по требованию родственников добавил второе имя, дабы отличаться от своего «великого дяди», автора «Истории промышленного переворота в Англии»³⁹. Следует отметить, что книга была написана еще до зачисления Тойнби в штат Веллингтон-Хаус и сыграла значимую роль в обретении им нового статуса. В оценке этого труда можно согласиться с биографом Тойнби Уильямом Мак-Нилом: хотя сам он позже называл свой первый труд «ребячеством» (juvenilia)⁴⁰, именно в нем «впервые проявилась необычайная способность Тойнби к быстрой работе над текстом, а также к сбору и переваживанию огромного объема разрозненной информации о современной политике. Эта способность предопределила его последующую карьеру в качестве автора ежегодных обзоров международных отношений в межвоенный период»⁴¹.

В том же 1915 г., уже будучи штатным сотрудником PID, Тойнби опубликовал сборник очерков «Новая Европа», являющийся логическим продолжением первого труда. И вновь, как и в предыдущей книге, одним из основных предметов размышления автора стала Россия – ее место в европейской политике и культуре, ее будущее в послевоенном мире.

После Германии – Россия? Пристальный интерес Тойнби к России был обусловлен пониманием ее реальной роли в Антанте и, как следствие, в послевоенном переустройстве мира: «Если союзники одержат победу в этой войне, – писал он, предваряя анализ российской проблематики в книге “Национальность и война”, – то в последующем европейском урегулировании голос России будет более решающим, чем любого из нас»⁴². В то же время этот интерес был продиктован и личными убеждениями автора. Тойнби был чрезвычайно обеспокоен широким распространением среди британцев русофобских настроений, игравших на руку пропаганде Центрального блока – слишком часто приходилось ему

³⁵ Sanders M.L., Taylor P.M. British Propaganda... P. 41.

³⁶ McNeill W.H. Arnold J. Toynbee. A Life. New York; Oxford, 1989. P. 72.

³⁷ Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. М., 2003. С. 348.

³⁸ Namier L. Germany and Eastern Europe. London, 1915.

³⁹ Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи... С. 318; McNeill W.H. Arnold J. Toynbee: A Life. New York; Oxford, 1989. P. 72.

⁴⁰ McNeill W.H. Arnold J. Toynbee. A Life... P. 71.

⁴¹ Ibid. P. 69.

⁴² Toynbee A.J. Nationality and the War. London; Toronto, 1915. P. 280.

слышать от соотечественников: «После Германии – Россия»⁴³. Поэтому Тойнби ставит цель развенчать миф о русских варварах, чуждых ценностям европейской культуры. Будучи страстным поклонником творчества Толстого, Аксакова, Тургенева, он посвятил самые проникновенные строки русской литературе XIX столетия, которая, по его убеждению, не менее важна для «мировой духовной истории», чем французская литература предшествующего века⁴⁴. В то же время Тойнби весьма скептически относился к имперской бюрократии, считая ее косной и неэффективной, и полагал, что именно война приведет к ее окончательному банкротству: «Российская бюрократия принадлежит прошлому. Либерализм торжествует и будет набирать силу»⁴⁵. Впрочем, столь светлая перспектива, как считал Тойнби, вовсе не гарантирована: для этого необходимо преодолеть препятствие, которое может обернуться для России самыми фатальными последствиями. Ахиллесовой пятой империи Тойнби считал национальный вопрос, в особенности – дискриминационный курс правительства в отношении Польши. Эта политика, по его мнению, давала основания германской пропаганде обвинять Россию, провозглашающую себя покровительницей славян, в лицемерии, коль скоро она при этом угнетает вторую по значению славянскую нацию⁴⁶.

Признавая, что за русско-польскими противоречиями тянется долгий исторический шлейф взаимных обид, Тойнби полагал, что война дает исторический шанс преодоления «политической вражды, унаследованной от прошлого этими двумя лидерами славянского мира»⁴⁷, но примирение неизбежно «потребует добросовестности от обеих сторон»⁴⁸. Тойнби считал, что коль скоро взаимные союзные обязательства стран Антанты предполагают передачу России всех польских земель, империя ради собственного же блага должна обеспечить воссоединенной в ее границах нации как минимум тот же уровень внутренней автономии, каким располагали поляки в составе Австро-Венгрии. В то же время полная независимость отнюдь не выгодна для самой же Польши: опыт XIX столетия наглядно показывает, что, имея доступ к необъятному внутреннему рынку империи и находясь под защитой ее «таможенной стены», Польша пережила невероятный экономический бум: «и в самые мрачные годы политических репрессий отмечался неуклонный рост численности и благосостояния ее населения»⁴⁹. Если же империя гарантирует уважение национальных чувств и устремлений поляков, то выгода будет обоюдной: они получают свое «Рисорджименто» и благоприятные условия экономического развития, а Россия – вовлечение в имперское пространство материальных и человеческих ресурсов объединенной Польши. «Таким образом, – делает вывод Тойнби, – взаимные экономические интересы благоприятствуют идее инкорпорации новой Польши в состав Российской империи на началах федеративного союза»⁵⁰.

Деволуция. Польский кейс служит для Тойнби отправной точкой для дальнейшего развития концепции федерализации Российской империи как важнейшего элемента общей стратегии послевоенного урегулирования в Европе. Он считал, что единственным шансом сохранения целостности России является деволуция – частичное делегирование полномочий местной власти в обратной пропорции к тому, насколько каждая губерния или область интегрирована в тело империи. В центре, где степень взаимной зависимости отдельных территорий чрезвычайно велика, существенное расширение автономии проблематично, тогда как в некоторых периферийных регионах вполне возможно: «Самоуправление следует

⁴³ *Toynbee A.J. Nationality and the War...* P. 295.

⁴⁴ *Ibid.* P. 298. Подробнее о русофильских взглядах А.Дж. Тойнби см.: *Корневский А.В. О Транссибе, Москве, русском «Нет!» и «квинтэссенции византийского духа» (путевые заметки А.Дж. Тойнби о России) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 39. С. 231–232; Корневский А.В. Вчерашнее завтра России: британский взгляд эпохи Великой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 2. Самара, 2014. С. 253–254.*

⁴⁵ *Toynbee A.J. Nationality and the War...* P. 299.

⁴⁶ *Ibid.* P. 281.

⁴⁷ *Ibid.* P. 289.

⁴⁸ *Ibid.* P. 282.

⁴⁹ *Ibid.* P. 287.

⁵⁰ *Ibid.* P. 288–289.

делегировать в различных пропорциях, соотносимых с мерой материальной значимости территорий в качестве политических единиц и развитости национального самосознания»⁵¹.

К числу регионов, где осуществление деволуции может дать позитивный эффект, Тойнби относил Польшу, Литву и прибалтийские губернии, но весьма сдержанно оценивал подобную перспективу Украины, по отношению к которой он последовательно использует понятие «Малороссия» (Little Russia). Признавая определенные языковые и этнические различия между нею и Великороссией, Тойнби указывал на то, что этот регион не только не обладает экономической самостоятельностью, но, наоборот, неразрывно связан с центром страны множеством нитей. По этой причине украинцы могут из-за своего национального нарциссизма сами оказаться в проигрыше: «Малороссу не следует чураться признания своим языком, ставшего в последнее столетие носителем литературы мирового значения, рядом с которым традиционные крестьянские баллады, постоянно издаваемые в Лемберге, кажутся почти комически незначительными»⁵².

К тому же между ареалами двух «племен» русского народа нет четкой этнокультурной границы. Скорее, это своеобразный градиент, образуемый Новороссией, которая, как отмечал Тойнби, заселялась с двух сторон, но «малороссийский элемент» здесь никогда не доминировал. Поэтому возникший на данной территории сплав племен и народов «определенно никогда не будет иметь особой “малороссийской” окраски»⁵³. Более того, Новороссия «не имеет социальных связей с Малороссией и никогда не сможет быть поглощена ею, но Малороссия как самоуправляемая единица, не имеющая выхода к побережью, географически и экономически почти невозможна»⁵⁴.

По мнению Тойнби, политическое и культурное единство отнюдь не противоречит интересам большинства населяющих ее народов, но именно от Украины в первую очередь зависит, удастся ли его сохранить: «Малороссийский элемент составляет около трети всей расы, и если он отколетя и попытается следовать собственным курсом, это неминуемо нарушит баланс всей имперской системы»⁵⁵. Результатом такого конфликта, фатального для всех его участников, будет «в худшем случае полный распад Российской империи, а в лучшем – длительный политический паралич»⁵⁶. Поэтому украинцам в их же собственных интересах «следует отказаться от своего партикуляризма и пойти на то, чтобы вновь стать частью единого тела “Святой Руси”»⁵⁷.

После выхода в свет книги «Национальность и война» в апреле 1915 г. Тойнби продолжал свои штудии по национальному вопросу, результаты которых публиковались в виде отдельных статей в журнале *Nation*. К сентябрю, когда таковых набралось уже шесть, он принял решение об их объединении в отдельную книгу по вопросу послевоенной «реконструкции» с символическим заглавием «Новая Европа». При этом львиная доля книги посвящена украинскому вопросу, для чего были веские основания. Эта проблема оказалась в центре общественного внимания после Великого отступления, которое было мастерски использовано пропагандой Центрального блока: возвращение австро-венгерских войск в Галицию удалось представить освобождением от «русских варваров», поддержанным местным населением. Это был тяжелый удар по репутации России как защитницы славян: в доказательство несостоятельности ее претензий указывалось на отношение к украинцам, которым – в отличие от Двуетной империи – Россия отказывала в праве быть нацией со своим языком, культурой и даже именем! Эта пропагандистская атака возымела свое действие, посеяв смятение в умонастроениях многих интеллектуалов, в том числе и Тойнби. Он не мог не понимать, что в сложившейся ситуации многие пассажи его предыдущей книги могли быть восприняты как одобрение имперской политики в украинском вопросе, причем

⁵¹ *Toynbee A.J. Nationality and the War... P. 303.*

⁵² *Ibid. P. 323.*

⁵³ *Ibid. P. 316.*

⁵⁴ *Ibid. P. 316–317.*

⁵⁵ *Ibid. P. 318.*

⁵⁶ *Ibid. P. 319.*

⁵⁷ *Ibid.*

именно в тех ее аспектах, которые более всего осуждались западным общественным мнением. Например, фактическое отрицание существования украинской нации и последовательное именование Украины Малороссией. Поэтому следовало несколько скорректировать высказанную ранее позицию, но при этом сохранить лицо, отчасти признав ошибки, но представив их следствием общего заблуждения, а не собственной злонамеренности. Следуя такому замыслу, Тойнби начинает очерк об Украине со следующих слов: «Множество национальностей, ранее пренебрегаемых нами, привлекли к себе внимание благодаря войне, но случай с украинцами, несомненно, самый странный из всех. Нация в тридцать миллионов, а мы никогда не слышали ее имени!»⁵⁸.

Неизбежным следствием такого признания стали определенные уточнения в оценке послевоенных перспектив Российской империи в данном аспекте. Впрочем, это была скорее ретушь, чем реальные коррективы. Несмотря на признание национального своеобразия Украины, Тойнби по-прежнему крайне скептически оценивает возможность ее экономического и политического обособления от империи. В своих выводах Тойнби весьма категоричен: «Киев и Одесса отторгнуты от России! Россия отрезана от Черного моря! Разумеется, такая схема практически невозможна. Такое национальное самоутверждение принесло бы самим украинцам все, что угодно, кроме пользы. Украина и остальная часть России неразделимы географически, взаимосвязаны в экономическом плане, переплетены в этническом и культурном отношении»⁵⁹.

В то же время игнорирование национального своеобразия Украины, с точки зрения Тойнби, абсолютно бесперспективно: «Украина никогда не сможет добиться всеобъемлющей политической независимости от Москвы, а Москва – искоренить украинскую национальность или полностью ассимилировать весь украинский народ. Урегулирование может быть достигнуто только через компромисс, при котором каждая из сторон сможет обеспечить свои насущные потребности ценой отказа от чрезмерных претензий. У России должно быть географическое единство, у Украины – ее национальные права. И ради достижения этих целей взаимный отказ от фантазий – о русификации, с одной стороны, и независимости – с другой, не станет чрезмерной жертвой»⁶⁰.

При этом Тойнби не видел иного пути решения украинского вопроса, кроме объединения всего этнического ареала в границах империи, а значит присоединения к ней территории Галиции. Но это налагает на Россию ответные обязательства: имперскому правительству придется предоставить обеим частям украинского народа никак не меньший, а по возможности больший уровень политических свобод, чем те, что были у галичан в Австро-Венгрии. Если же этого не случится, то последующий политический сценарий русско-украинского конфликта и роль в нем Галиции Тойнби определяет предельно точно и афористично, прибегая к метафорам эпохи Рисорджименто: российская «Ирридента» неминуемо станет украинским «Пьемонтом»⁶¹, т.е. центром консолидации национального движения. Как мы знаем, и в 1917–1920 гг., и в более отдаленной исторической перспективе данный сценарий реализовался в полной мере.

Рыцари «Круглого стола». Прогнозы и рекомендации Тойнби относительно послевоенного реформирования Российской империи в «федеральный союз» вольно или невольно наталкивают на мысль об их созвучии идеям британских политиков и публицистов начала XX в., выдвигавших программу преобразования Британской империи в Содружество наций. Данная концепция зародилась в кругу интеллектуалов так называемого «Милнеровского детского сада» – питомцев верховного комиссара в Южной Африке и губернатора Капской колонии лорда Альфреда Милнера. Стремясь сформировать команду квалифицированных управленцев для преодоления последствий Второй Англо-Бурской войны, он сделал ставку не на состоявшихся профессионалов, а на амбициозную молодежь. В беседе с южно-

⁵⁸ *Toynbee A.J. The New Europe. Some Essays in Reconstruction. London; Toronto; New York, 1915. P. 75.*

⁵⁹ *Ibid. P. 83.*

⁶⁰ *Ibid. P. 83–84.*

⁶¹ *Ibid. P. 81.*

африканским писателем и бизнесменом Дж.П. Фитцпатиком Милнер так обосновывал свой подход: «Да, я ценю мозги и характер больше, чем опыт. Первокласных людей с опытом не заполучить. Ничто из того, что можно было бы им предложить, не заставит их отказаться от того, что они уже имеют»⁶². Будущее подтвердило правоту Милнера: ему удалось собрать вокруг себя интеллектуалов, очень быстро набравшихся профессионального опыта и позже громко заявивших о себе в британской политике. В основу проводившихся ими реформ питомцы Милнера положили концепцию федерализма одного из отцов-основателей США А. Гамильтона, полагая, что «федерация – наиболее приемлемая форма унификации Южной Африки»⁶³. Впоследствии они стали активно пропагандировать эти же политические рецепты применительно к Британской империи в целом. Наибольшую активность в этом проявил один из ближайших сотрудников Милнера Лайонел Кертис, вокруг которого к 1909 г. сложилась группа сторонников «имперского федерализма», известная как «Круглый стол». Именно он в 1910 г. сформулировал ключевые принципы этого движения в так называемом «Зеленом меморандуме», а в следующем году инициировал выпуск «Исследований Круглого стола»⁶⁴. Добавим к этому, что сборник программных статей участников «Круглого стола» под редакцией Кертиса «Проблема содружества»⁶⁵ вышел в свет в тот же год, что и книга Тойнби.

Можно было бы предположить, что как раз в этих идеях черпал вдохновение автор «Национальности и войны», поскольку известно, что Кертис активно сотрудничал с Департаментом политической разведки и был близко знаком с Тойнби. Более того, о степени доверительности их отношений говорит тот факт, что именно с подачи Кертиса, сыгравшего ключевую роль в создании одного из первых политических «мозговых трестов» (think tank) – Британского (впоследствии Королевского) института международных отношений, известного как Чатем-Хаус (Chatham House), Тойнби стал его первым штатным сотрудником (позже – директором по науке).

Однако против такого предположения говорит хронологический аргумент. Работу над книгой «Национальность и война» Тойнби начал в октябре и завершил через четыре с половиной месяца, т.е. в конце февраля – начале марта, а вышла в свет она 1 апреля 1915 г.⁶⁶ В то же время его знакомство с Кертисом состоялось лишь 3 июня того же года. В своих мемуарах Тойнби точно называет дату первой встречи с «пророком федерализации», поскольку это имело самое непосредственное отношение к его развернутой характеристике личности и взглядов Кертиса. Их знакомство состоялось в день взятия немцами Перемышля, и Тойнби неприятно поразило пренебрежительное отношение Кертиса к этой новости, выкрикиваемой газетчиками: в сравнении с проблемой преобразования империи в Содружество наций, о чем с жаром и страстью вещал «пророк», эта военная катастрофа представлялась ему «преходящим событием»⁶⁷.

Добавим к этому, что на момент первой встречи Тойнби и Кертиса концепция федерализации империи еще не вполне сформировалась и в том виде вряд ли могла иметь универсальное значение, тем паче применена к российской ситуации. В то время программа «Круглого стола» была слишком «англосаксонской»: она предполагала превращение в субъекты имперской федерации исключительно «белых колоний». Только с 1917 г. сторонники федерализации империи стали включать в число доминионов, готовых к широкой внутренней автономии, Индию. И примерно с этого же времени в их текстах все чаще встречается понятие «деволюция» – например, в так называемом «Плане Монтегю» (осень

⁶² Gollin A.M. Proconsul in Politics: A Study of Lord Milner in Opposition and in Power. London, 1964. P. 41.

⁶³ Nimocks W. Milners Young Men: The 'Kindergarten' in Edwardian Imperial Affairs. Durham, 1968. P. 100.

⁶⁴ Bosco A. The Round Table Movement and the Fall of the 'Second' British Empire (1909–1919). Cambridge, 2017. P. 190.

⁶⁵ The Problem of the Commonwealth. London etc., 1915.

⁶⁶ McNeill W.H. Arnold J. Toynbee. A Life... P. 69.

⁶⁷ Тойнби А. Пережитое. Мои встречи... С. 403.

1917 г.), обосновывавшем конституционные реформы в Индии⁶⁸. В более ранних текстах, публиковавшихся под эгидой «Круглого стола», этот термин не встречается⁶⁹.

Сам Кертис впервые употребил слово «деволюция» в опубликованном годом позже «Письмах к народу Индии об ответственном правительстве». При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что, используя данное понятие, он либо присовокупляет к нему определение «специфическая», либо говорит о деволюции «особых» или «определенных» полномочий⁷⁰. Создается впечатление, что это слово не очень привычно для автора и он не вполне уверен, что оно понятно читателю. Лишь к началу 1920-х гг. слово «деволюция» постепенно входит в политический лексикон и рассматривается как ключевое условие удовлетворения местных интересов и национальных чаяний⁷¹. Таким образом, более вероятным представляется, что не идеи Кертиса и его сподвижников вдохновили Тойнби на его размышления о будущем Российской империи, а, скорее всего, имело место обратное влияние. Впрочем, в любом случае такое созвучие двух имперских проектов вполне объяснимо, поскольку эти мысли буквально носились в воздухе.

В чем был прав и в чем ошибался Тойнби? На вопрос, вынесенный в заголовок, весьма трудно ответить однозначно. Как ни парадоксально это звучит, но многие прогнозы героя нашего повествования сбылись, хотя и не совсем так, как это виделось самому Тойнби. Он воспел хвалу российской интеллигенции, выразив уверенность в скорой победе либерализма: «ни на что уже не годное “сильное правительство” уступит место тем, кому сама нация доверит свою судьбу»⁷². Не прошло и двух лет, как это пророчество сбылось, однако власть, пришедшая на смену «сильному правительству», оказалась анекдотически слабой и через считанные месяцы была сметена властью не просто более сильной, но и бесчеловечно жестокой.

Тойнби достаточно объективно оценивал степень остроты межнациональных противоречий в Российской империи и справедливо считал правящую бюрократию катастрофически некомпетентной. Исходя из этих предпосылок, он вполне допускал наихудший сценарий – коллапс всей системы или ее «длительный паралич», что также делает ему честь как прогностику. Однако при этом Тойнби считал империю достаточно жизнеспособным организмом, который в случае правильной санации может просуществовать еще сколь угодно долго. Тем не менее вскоре империя рухнула. Однако сегодня большинство историков склоняются к точке зрения, весьма созвучной мнению Тойнби: катастрофа 1917 г. не была фатально предопределена, а скорее стала результатом констелляции множества факторов – от достаточно объективных до совершенно случайных. И одним из подтверждений этого вывода является то, что всего через пять лет после крушения империи большая часть ее осколков вновь была собрана воедино, хотя и под другими знаменами и лозунгами. При этом ключевые принципы и методы реализации советского проекта реинтеграции имперского политического пространства обнаруживают разительное сходство с теми средствами, которые, по мысли Тойнби, могли бы вдохнуть в империю новую жизнь.

По сути, ключевым конституционным принципом, положенным В.И. Лениным в основу его плана построения Советского Союза, была разноуровневая деволюция. Как и в проекте Тойнби, в СССР распределение полномочий между центром, союзными республиками и прочими территориально-административными образованиями осуществлялось асимметрично: объем делегируемых полномочий возрастал по мере удаления от центра – от приграничных квази-государственных образований со всеми внешними признаками суверенитета до национально-культурных автономий в статусе республик, областей и округов внутри

⁶⁸ Darwin J. The Empire Project... P. 349.

⁶⁹ The Problem of the Commonwealth. London, etc., 1915; Curtis L. The Round Table Movement: Its Past and Future. Toronto, 1913; Curtis L. Independence or Imperial Partnership? A study of The Problem of the Commonwealth. Montreal, 1916.

⁷⁰ Curtis L. Letters to the People of India on Responsible Government. London, 1918. P. XI, 2, 110, 117–118, 159, 161.

⁷¹ Pim F.W. Home Rule through Federal Devolution. London, 1919; Macdonald J.A.M. The Case for Federal Devolution. London, 1920.

⁷² Toynbee A.J. Nationality and the War... P. 298.

страны. Разумеется, в реальности политическое устройство Советского Союза обеспечивало населявшим его народам только сохранение языка и культуры, тогда как все прочие атрибуты самостоятельности были всего лишь декорацией. И тем не менее сам факт очевидного сходства разных постимперских проектов говорит о том, что видение будущего Российской империи, представленное в книге «Национальность и война», вовсе не было утопией.

Может показаться, что между схемой деволюции Российской империи, описанной Тойнби, и конструкцией Советского Союза имеется одно принципиальное отличие. Полагая, что полноценным субъектом федерации может быть территория, характеризующаяся экономической самодостаточностью и развитостью национального самосознания населения, он категорически отвергал такой сценарий в отношении Украины, которая, однако, стала одним из соучредителей СССР. Тем не менее укажем на два обстоятельства, в свете которых снимается это кажущееся противоречие. Во-первых, Тойнби говорил об экономической неполноценности Украины в ее узких этнических границах – без Новороссии и Черноморского побережья, т.е. как раз тех территорий, которые Украина получила в качестве союзной республики. Во-вторых, отцы-основатели СССР, так же как и Тойнби, считали уровень развития национальной идентичности населения Украины не соответствующим статусу союзной республики. Устранить это противоречие была призвана проводившаяся советской властью в межвоенный период массированная украинизация как «метод национального строительства, целенаправленный государственный курс по утверждению украинского характера социокультурного пространства той или иной территории путем специальной языковой, культурной и кадровой политики»⁷³.

Случайны ли такие совпадения? Разумеется, мы никогда не сможем дать исчерпывающего ответа на этот вопрос, и проще всего спрятаться за расхожей фразой об идеях, « витающих в воздухе ». Однако в действительности нет ничего невероятного в предположении о прямом или косвенном – через какой-либо устный или письменный пересказ – знакомстве В.И. Ленина с общим контуром концепции Тойнби в ее аутентичной версии или в том виде, в каком она отразилась в доктрине федерализации Британской империи.

Во-первых, современная историография так и не выявила всех источников ленинской концепции построения СССР и не дала внятного объяснения тому несколько странному обстоятельству, что вплоть до осени 1922 г. вождь не возражал против «плана автономизации», а 26 сентября вдруг заявил о необходимости создания «Союза Советских республик Европы и Азии»⁷⁴. Заметим, что так называемое «грузинское дело»⁷⁵, ставшее для Ленина весомым аргументом в обосновании своей позиции, достигло своего апогея значительно позже и на тот момент не могло быть достаточным основанием для столь резкого изменения позиции.

Во-вторых, следует учитывать достаточно высокий уровень информированности Ленина о политической жизни и последних веяниях общественно-политической мысли в Великобритании. Он достаточно свободно владел английским и охотно общался со всеми британскими визитерами, будь то делегаты конгрессов Коминтерна, западные «лидеры общественного мнения» или журналисты, каковых в начале 1920-х было немало: А. Рэнсом, У.Т. Гуд и М.Ф. Прайс из «Манчестер Гардиан», М. Фарбман и Дж. Лэнсбери из «Дейли Геральд». В свою очередь, эти «английские любители прямых репортажей из Советской России»⁷⁶, как правило проникавшиеся симпатией к интервьюируемому⁷⁷, вольно или невольно становились информаторами Ленина, любившего в беседах с журналистами прибегать к встречным вопросам. Кроме того, имеется немало свидетельств о его прис-

⁷³ Борисенок Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. С. 37.

⁷⁴ Ленин В.И. Об образовании СССР. Письмо Л.Б. Каменеву для членов политбюро ЦК РКП(б) // Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970. С. 211.

⁷⁵ Smith J. The Georgian Affair of 1922 – Policy Failure, Personality Clash or Power Struggle? // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50, № 3. P. 519–544.

⁷⁶ Па́йнс Р. Русская революция: в 3 кн. Кн. 3: Россия под большевиками. 1918–1924. М., 2005. С. 353.

⁷⁷ Goode W.T. Bolshevism at Work. London, 1920. P. 17–22.

тальном интересе к британской периодике, научной и общественно-политической литературе. Доподлинно известно, что он не только внимательно следил за английской прессой, штудировал книги Дж.М. Кейнса, Х.Н. Брэйлсфорда, З. Кахан, Дж.А. Гобсона⁷⁸, но и настоял на создании особой Комиссии по приобретению и распространению иностранной литературы, требуя, чтобы ею было «налажено регулярное получение всех периодических изданий из-за рубежа»⁷⁹.

Также стоит отметить, что и Ленин, и многие его сподвижники, имевшие непосредственное отношение к созданию СССР, черпали свои познания о британской политической жизни не только из книг и слов заезжих визитеров. И сам председатель Совнаркома, и ключевые фигуры британского направления советской дипломатии – нарком иностранных дел Г.В. Чичерин и его заместители Н.М. Петров и М.М. Литвинов, заведующий отделом печати Наркоминдела И.М. Майский, член коллегии НКВД Ф.А. Ротштейн – бывали в Англии в годы эмиграции, а многие из них подолгу там жили и успели пустить прочные корни. Например, Н.М. Петров, интернированный британскими властями вместе с Чичериным в 1917 г., был членом Британской социалистической партии и входил в состав ее руководства⁸⁰. У некоторых даже имелись там родственники: у Литвинова – по линии его жены Айви Лоу⁸¹, у Чичерина – его двоюродный брат Александр Мейендорф⁸². При этом следует отметить, что последний был близко знаком с Тойнби⁸³.

Еще одним связующим звеном между Лениным и британскими политическими кругами был упомянутый ранее Федор (Теодор) Ротштейн – член Британской социалистической и большевистской партий, высокопоставленный чиновник Наркоминдела, посредник между советскими властями и английскими эмиссарами Брюсом Локкартом и Артуром Рэнсомом⁸⁴, «главный агент Коминтерна»⁸⁵ в Англии и одновременно «близкий конфидент Ленина»⁸⁶. Во время войны Ротштейн работал в Foreign Office, занимая, по выражению Р. Чемберса, «весьма деликатный» (highly sensitive)⁸⁷ пост – выполняя устные и письменные переводы с русского и на русский. Принимая в расчет это обстоятельство, очень трудно допустить, что он не был знаком с Тойнби, работавшим в МИДе в то же самое время по восточноевропейской проблематике и, естественно, нуждавшимся в помощи квалифицированного носителя русского языка. Добавим к этому, что сын Ротштейна Андрей (Andrew) изучал историю в том же самом Бэллиол-колледже, в котором учился, а затем преподавал Тойнби. И наконец, last, but not least: в 1929 г., собираясь совершить поездку в Советский Союз, Тойнби, как явствует из его записей в блокноте, хранящемся в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета, планировал встречу с Андреем Ротштейном⁸⁸.

Таким образом, концепция деволуции империи, широко обсуждавшаяся в англоязычной прессе и политической публицистике начала 1920-х, могла стать известной Ленину как через его многочисленных информаторов, так и в результате чтения периодики и общественно-политической литературы. А назревавшие трения с грузинскими партийными лидерами (первую жалобу Сталина на них Ленин получил 22 сентября⁸⁹) вполне могли подсказать вариант решения этой проблемы в русле модели «деволуции». Разумеется,

⁷⁸ Виленкина Е.Э. Иностранные языки в жизни деятельности В.И. Ленина. М., 1959. С. 57–64.

⁷⁹ Там же. С. 63.

⁸⁰ McHugh J., Ripley B.J. Russian Political Internees in First World War Britain: The Cases of George Chicherin and Peter Petroff // The Historical Journal. 1985. Vol. 28, № 3. P. 727–738.

⁸¹ Haven C.L. Ivy Low Litvinov: surviving Stalin ... and D.H. Lawrence, too // The Book Haven. Stanford University [Электронный ресурс]. URL: <https://bookhaven.stanford.edu/2014/01/ivy-low-litvinov-surviving-stalin-and-d-h-lawrence-too/> (дата обращения: 15.11.2022).

⁸² Meyendorff A. My Cousin, Foreign Commissar Chicherin // Russian Review. 1971. Vol. 30, № 2. P. 173–178.

⁸³ Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи... С. 486–491.

⁸⁴ Chambers R. The Last Englishman: The Double Life of Arthur Ransome. London, 2010. P. 199.

⁸⁵ Паўнс Р. Русская революция... С. 272.

⁸⁶ Chambers R. The Last Englishman... P. 172.

⁸⁷ Ibid. P. 173.

⁸⁸ Bodleian Library. Special Collections. Toynbee Papers. Box 91. Journeys (1): Visits to China.

⁸⁹ Smith J. The Georgian Affair of 1922... P. 535, footnote 86.

изложенная версия не претендует на статус истины в последней инстанции, однако она не только не противоречит имеющимся сведениям о предыстории образования Советского Союза, но и позволяет устранить историографические лакуны в описании и объяснении данного явления.

Остается только добавить, что много позже и сам Тойнби отмечал сходство советского и британского проектов. В четвертом томе «Постижения истории», вышедшем в свет в 1939 г., он отмечал, что в СССР, в подражание британскому эксперименту, посредством «прогрессивной деволуции» создана «сложная система автономий внутри автономий»⁹⁰.

Итак, оценивая перспективы послевоенного развития Российской империи, Тойнби во многом оказался прав, во многом ошибался, а в целом ряде аспектов его прогнозы сбылись, но отнюдь не так, как это представлялось самому предсказателю. Все это лишний раз показывает, что благодаря глубоким познаниям в истории политический аналитик может обрести дар прозрения, однако история нередко бывает столь непредсказуема, что способна поставить в тупик даже самого прозорливого прорицателя.

Литература

Борисенок Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. 48 с.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: 2-е изд. / пер. Е.М. Лысенко; примеч. и ст. А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1986. 254 с.

Виленина Е.Э. Иностранные языки в жизни и деятельности В.И. Ленина. М.: Госучпедгиз, 1959. 67 с.

Данилкин Л.А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М.: Молодая гвардия, 2017. 783 с.

Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография: сборник обзоров и рефератов / отв. ред. О.В. Большакова. М.: ИНИОН РАН, 2019. 180 с.

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.

Ленин В.И. Об образовании СССР. Письмо Л.Б. Каменеву для членов политбюро ЦК РКП(б) // Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 211–213.

Корневский А.В. Вчерашнее завтра России: британский взгляд эпохи Великой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 2. Самара, 2014. С. 242–265.

Корневский А.В. О Транссибе, Москве, русском «Нет!» и «квинтэссенции византийского духа» (путевые заметки А.Дж. Тойнби о России) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 39. С. 228–239.

Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.

Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Мысль, 1975. 398 с.

Пайпс Р. Русская революция. Кн. 3: Россия под большевиками. 1918–1924. М.: Захаров, 2005. 704 с.

Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. М.: Айрис-пресс, 2003. 672 с.

Филюшкин А.И. Почему в современном мире будущее заменяют прошлым: история возвращается? // Международная аналитика. 2022. № 13 (3). С. 16–29.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство Независимая Газета, 2004. 632 с.

Цимбаев К.Н. Феномен юбилея в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 98–108.

Экштут С.А. Контрфактическое моделирование, развилки и случайности в русской истории и культуре // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2000. С. 33–36.

⁹⁰ *Toynbee A.J.* A Study of History. Vol. IV. London, etc., 1939. P. 188.

Bosco A. The Round Table Movement and the Fall of the 'Second' British Empire (1909–1919). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2017. 534 p.

Buitenhuis P. The Great War of Words: British, American and Canadian Propaganda and Fiction, 1914–1933. Vancouver: University of British Columbia Press, 1987. 199 p.

Chambers R. The Last Englishman: The Double Life of Arthur Ransome. London: Faber and Faber Ltd, 2010. X, 390 p.

Curtis L. Independence or Imperial Partnership? A study of The Problem of the Commonwealth. Montreal: Le Devoir, 1916. 62 p.

Curtis L. Letters to the People of India on Responsible Government. London: Macmillan and C°, 1918. XX, 211 p.

Curtis L. The Round Table Movement: Its Past and Future. Toronto: Rous & Mann, 1913. 44 p.

Darwin J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830–1970. New York: Cambridge University Press, 2009. 800 p.

Drüding M. Jubiläumsfieber und Jubiläumitis? Fragen zur Jubiläumsbegeisterung deutscher Universitäten // Die Hochschule: Journal für Wissenschaft und Bildung. 2018. Bd. 27, N 1-2. S. 23–34.

Feuchtwanger E.J. Democracy and Empire: Britain, 1865–1914. London: Edward Arnold, 1985. 408 p.

Gerasimov I. The Great Imperial Revolution // Ab Imperio. 2017. № 2. P. 21–44.

Gerasimov I., Glebov S., Kusber J., Mogilner M., Semyonov A. New Imperial History and the Challenges of Empire // Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire. Leiden; Boston: Brill, 2009. P. 3–32.

Gollin A.M. Proconsul in Politics: A Study of Lord Milner in Opposition and in Power. London: Macmillan, 1964. 627 p.

Goode W.T. Bolshevism at Work. London: George Allen & Unwin LTD, 1920. 142 p.

Gregory P.R. Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-year Plan. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1994. VIII, 188 p.

Hall J.G., Douglas F.M. Yes, Lord Chancellor: A Biography of Lord Schuster. Chichester, West Sussex: Barry Rose Law Publishers, 2003. 335 p.

Haven C.L. Ivy Low Litvinov: Surviving Stalin ... and D.H. Lawrence, too // The Book Haven. Stanford University [Электронный ресурс]. URL: <https://bookhaven.stanford.edu/2014/01/ivy-low-litvinov-surviving-stalin-and-d-h-lawrence-too/> (дата обращения: 15.11.2022).

Hopkins E. Charles Masterman (1873–1927), Politician and Journalist: The Splendid Failure. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen Press, 1999. 300 p.

Macdonald J.A.M. The Case for Federal Devolution. London: P.S. King & Son, LTD, 1920. 69 p.

Masterman C.F.G. Frederick Denison Maurice. London: A.R. Mowbray & C°, 1907. 240 p.

McHugh J., Ripley B.J. Russian Political Internees in First World War Britain: The Cases of George Chicherin and Peter Petroff // The Historical Journal. 1985. Vol. 28, № 3. P. 727–738.

McNeill W.H. Arnold J. Toynbee: A Life. New York; Oxford: Oxford University Press, 1989. X, 346 p.

Meyendorff A. My Cousin, Foreign Commissar Chicherin // Russian Review. 1971. Vol. 30, № 2. P. 173–178.

Namier L. Germany and Eastern Europe. London: Duckworth & C°, 1915. 128 p.

Nimocks W. Milners Young Men: The 'Kindergarten' in Edwardian Imperial Affairs. Durham: Duke University Press, 1968. 234 p.

Pim F.W. Home Rule through Federal Devolution. London: Fisher Unwin LTD, 1919. 29 p.

Pollard A.F. Historical Criticism // History. The Journal of the Historical Association. 1920. Vol. 5, Iss. 17. P. 21–29.

Sanders M.L., Taylor P.M. British Propaganda during the First World War, 1914–18. London: Palgrave MacMillan, 1982. 320 p.

Schimmelpenninck van der Oye D. Getting to Know the Unknown War // *The Russian Review*. 2016. Vol. 75. P. 683–689.

Scotus Viator (Seton-Watson R.W.). Racial Problems in Hungary. London: Archibald Constable & C° LTD, 1908. 540 p.

Seton-Watson R.W. The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. London: Archibald Constable & C° LTD, 1911. 463 p.

Sharp A. James Headlam-Morley: Creating International History // *Diplomacy & Statecraft*. 1998. Vol. 9, No. 3. P. 266–283.

Sloane W.M. Rev.: Bismarck and the foundation of the German Empire, by James Wycliffe Headlam // *Political Science Quarterly*. 1901. Vol. 16, № 1. P. 149–151.

Smith J. The Georgian Affair of 1922 – Policy Failure, Personality Clash or Power Struggle? // *Europe-Asia Studies*. 1998. Vol. 50, № 3. P. 519–544.

The Problem of the Commonwealth. London, etc.: Macmillan and C°, 1915. 233 p.

Toynbee A.J. A Study of History. Vol. IV. London, etc.: Oxford University Press, 1939. XVI, 656 p.

Toynbee A.J. Nationality and the War. London; Toronto: J.M. Dent & Sons LTD, 1915. 522 p.

Toynbee A.J. The New Europe. Some Essays in Reconstruction. London; Toronto; New York: J.M. Dent & Sons LTD, 1915. 85 p.

Tsimbaev K. Jubiläumsfieber. Kriegserfahrungen in den Erinnerungsfeiern in Russland Ende des 19. – Anfang des 20. Jahrhunderts // *Gründungsmythen – Genealogien – Memorialzeichen. Beiträge zur institutionellen Konstruktion von Kontinuität / Hrsg. von Gert Melville und Karl-Siegbert Rehberg*. Köln;Weimar; Wien: Böhlau Verlag GmbH, 2004. S. 75–108.

References

Bloch, M. (1986). *Apologiya istorii ili Remeslo istorika* [History Apology or Historian's Craft]. Moscow, Nauka. 254 p.

Bolshakova, O.V. (Ed.). (2019). *Imperskiy povorot v izuchenii istorii Rossii: Sovremennaya istoriografiya: sbornik obzorov i referatov* [Imperial Turn in the Study of Russian History: Modern Historiography: Collection of Reviews and Abstracts]. Moscow, INION RAS. 180 p.

Borisenok, E.Yu. (2016). *Kontseptsii "Ukrainizatsii" i ikh realizatsiya v natsional'noy politike v gosudarstvakh vostochnoevropeyskogo regiona (1918–1941 gg.)* [Concepts of "Ukrainization" and Their Implementation in National Policy in the States of the Eastern European Region (1918–1941)], Dr. hist. sci. diss. Moscow. 48 p.

Bosco, A. (2017). *The Round Table Movement and the Fall of the 'Second' British Empire (1909–1919)*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing. 534 p.

Buitenhuis, P. (1987). *The Great War of Words: British, American and Canadian Propaganda and Fiction, 1914–1933*. Vancouver, University of British Columbia Press. 199 p.

Chambers, R. (2010). *The Last Englishman: The Double Life of Arthur Ransome*. London, Faber and Faber Ltd. X, 390 p.

Collingwood, R.G. (1980). *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. Autobiography]. Moscow, Nauka. 486 p.

Curtis, L. (1913). *The Round Table Movement: Its Past and Future*. Toronto, Rous & Mann. 44 p.

Curtis, L. (1916). *Independence or Imperial Partnership? A study of the Problem of the Commonwealth*. Montreal, Le Devoir. 62 p.

Curtis, L. (1918). *Letters to the People of India on Responsible Government*. London, Macmillan and C°. XX, 211 p.

Danilkin, L.A. (2017). *Lenin: Pantokrator solnechnykh pylinok* [Lenin: Pantocrator of Solar Dust Motes]. Moscow, Molodaya gvardiya. 783 [1] p.

Darwin, J. (2009). *The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830–1970*. New York, Cambridge University Press. 800 p.

Drüding, M. (2018). Jubiläumsfieber und Jubiläumitis? Fragen zur Jubiläumsbegeisterung deutscher Universitäten. In *Die Hochschule: Journal für Wissenschaft und Bildung*. Bd. 27, N 1-2. S. 23–34.

Ekstut, S.A. (2000). Kontrfakticheskoe modelirovanie, razvilki i sluchaynosti v russkoy istorii i kul'ture [Counterfactual Modeling, Forks and Accidents in Russian History and Culture]. In *Odyssey. Man in History*. Moscow, Nauka, pp. 33–36.

Feuchtwanger, E.J. (1985). *Democracy and Empire: Britain, 1865–1914*. London, Edward Arnold. 408 p.

Filyushkin, A.I. (2022). Pochemu v sovremennom mire budushchee zamenyayut proshlym: istoriya vozvrashaetsya? [Why the Future is Replaced by the Past in the Contemporary World: Is History Coming Back?]. In *International Analytics*. No. 13 (3), pp. 16–29.

Gerasimov, I, Glebov, S., Kusber, J., Mogilner, M., Semyonov, A. (2009). New Imperial History and the Challenges of Empire. In *Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire*. Leiden, Boston, Brill, pp. 3–32.

Gerasimov, I. (2017). The Great Imperial Revolution. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 21–44.

Gollin, A.M. (1964). *Proconsul in Politics: A Study of Lord Milner in Opposition and in Power*. London, Macmillan. 627 p.

Goode, W.T. (1920). *Bolshevism at Work*. London, George Allen & Unwin LTD. 142 p.

Gregory, P.R. (1994). *Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press. VIII, 188 p.

Hall, J.G., Douglas, F.M. (2003). *Yes, Lord Chancellor: A Biography of Lord Schuster*. Chichester, West Sussex, Barry Rose Law Publishers. 335 p.

Haven, C.L. Ivy Low Litvinov: Surviving Stalin ... and D.H. Lawrence, too. In *The Book Haven*. Stanford University. Available at: URL: <https://bookhaven.stanford.edu/2014/01/ivy-low-litvinov-surviving-stalin-and-d-h-lawrence-too/> (date of accesses 15.11.2022).

Hobsbawm, E. (2004). *Epokha kraynostey: Korotkiy dvadtsatyy vek* [The Age of Extremes: The Short Twentieth Century (1914–1991)]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publishing House. 632 p.

Hopkins, E. (1999). *Charles Masterman (1873–1927), Politician and Journalist: The Splendid Failure*. Lewiston, New York, Edwin Mellen Press. 300 p.

Korenevskiy A.V. (2014). Vcherashnee zavtra Rossii: britanskiy vzglyad epokhi Velikoy voyny [Yesterday's Tomorrow of Russia: The British View of the Era of the Great War]. In *XX vek i Rossiya: obschestvo, reformy, revolyutsii*. Iss. 2. Samara, pp. 242–265.

Korenevsky, A.V. (2012). O Transsibe, Moskve, russkom “Net!” i “kvintessentsii vizantiyskogo dukkha” (putevye zametki A.J. Toynbee o Rossii) [About the Trans-Siberian Railway, Moscow, the Russian “No!” and “the Quintessence of the Byzantine Spirit” (A.J. Toynbee’s Travel Notes on Russia)]. In *Dialog so vremenem: Almanakh intellektual'noy istorii*. Iss. 39, pp. 228–239.

Lenin, V.I. (1970). Ob obrazovanii SSSR. Pis'mo L.B. Kamenevu dlya chlenov politbyuro TsK RKP(b) [About the Formation of the USSR. Letter to L.B. Kamenev for Members of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b)]. In *Lenin, V.I. Complete Works*. Vol. 45. Moscow, Publishing House of Political Literature, pp. 211–213.

Macdonald, J.A.M. (1920). *The Case for Federal Devolution*. London, P.S. King & Son, LTD. 69 p.

Masterman, C.F.G. (1907). *Frederick Denison Maurice*. London, A.R. Mowbray & Co. 240 p.

McHugh, J, Ripley, B.J. (1985). Russian Political Internees in First World War Britain: The Cases of George Chicherin and Peter Petroff. In *The Historical Journal*. Vol. 28, No. 3, pp. 727–738.

McNeill, W.H. (1989). *Arnold J. Toynbee: A Life*. New York, Oxford, Oxford University Press. X, 346 p.

Megill, A. (2007). *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Moscow, Canon+. 480 p.

Meyendorff, A. (1971). My Cousin, Foreign Commissar Chicherin. In *Russian Review*. Vol. 30, No. 2, pp. 173–178.

- Namier, L. (1915). *Germany and Eastern Europe*. London, Duckworth & C°. 128 p.
- Nechkina, M.V. (1975). *Den' 14 dekabrya* [Day of December 14, 1825]. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow, Mysl. 398 p.
- Nimocks, W. (1968). *Milners Young Men: The 'Kindergarten' in Edwardian Imperial Affairs*. Durham, Duke University Press. 234 p.
- Pim, F.W. *Home Rule through Federal Devolution*. London, T. Fisher Unwin LTD, 1919. 29 p.
- Pipes, R. (2005). *Russkaya revolutsiya*. Kn. 3: Rossiya pod bol'shevikami [The Russian Revolution. 3rd Book: Russia under the Bolsheviks. 1918–1924]. Moscow, Zakharov. 704 p.
- Pollard, A.F. (1920). Historical Criticism in History. In *The Journal of the Historical Association*. Vol. 5, Iss. 17, pp. 21–29.
- Sanders, M.L., Taylor, P.M. (1982). *British Propaganda during the First World War, 1914–18*. London, Palgrave MacMillan. 320 p.
- Schimmelpenninck van der Oye, D. (2016). Getting to Know the Unknown War. In *The Russian Review*. Vol. 75, pp. 683–689.
- Scotus Viator (Seton-Watson, R.W.). (1908). *Racial Problems in Hungary*. London, Archibald Constable & C° LTD, 1908. 540 p.
- Seton-Watson, R.W. (1911). *The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy*. London, Archibald Constable & C° LTD. 463 p.
- Sloane, W.M. (1901). Rev.: Bismarck and the foundation of the German Empire, by James Wycliffe Headlam. In *Political Science Quarterly*. Vol. 16, No. 1, pp. 149–151.
- (1915). *The Problem of the Commonwealth*. London, etc., Macmillan and C°. 233 p.
- Toynbee, A.J. (1915). *Nationality and the War*. London, Toronto, J.M. Dent & Sons LTD. 522 p.
- Toynbee, A.J. (1915). *The New Europe. Some Essays in Reconstruction*. London, Toronto, New York, J.M. Dent & Sons LTD. 85 p.
- Toynbee, A.J. (1939). *A Study of History*. Vol. IV. London, etc., Oxford University Press. XVI, 656 p.
- Toynbee, A.J. (2003). *Perezhitoe. Moi vstrechi* [Experiences. Acquaintances]. Moscow, Ayris-press. 672 p.
- Tsimbaev, K. (2004). Jubiläumsfieber. Kriegserfahrungen in den Erinnerungsfeiern in Russland Ende des 19. – Anfang des 20. Jahrhunderts. In *Gründungsmythen – Genealogien – Memorialzeichen. Beiträge zur institutionellen Konstruktion von Kontinuität* / Hrsg. von Gert Melville und Karl-Siegbert Rehberg. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag GmbH. S. 75–108.
- Tsimbaev, K.N. (2011). Fenomen yubileemanii v rossiyskoy obschestvennoy zhizni kontsa XIX – nachala XX veka [The Phenomenon of Jubileemania in Russian Public Life of the Late 19th – Early 20th Century]. In *Questions of history*. No. 11, pp. 98–108.
- Vilenkina, E.E. (1959). *Inostrannye yazyki v zhizni i deyatelnosti V.I. Lenina* [Foreign Languages in the Life and Work of V.I. Lenin]. Moscow, Gosuchpedgiz. 67 p.